

The background of the book cover is a dramatic painting. The top half shows a dark, rocky shore with some sparse, wind-torn vegetation under a dark, stormy sky. The bottom half shows a turbulent sea with large, white-capped waves. In the lower center, a small, crowded boat is struggling against the waves. The overall color palette is dominated by dark blues, teals, and greys, creating a somber and intense atmosphere.

Светлана Куксина

# Это было так

повесть о давно минувших днях

12+

Светлана Куксина

**Это было так**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

**Куксина С. Н.**

Это было так / С. Н. Куксина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-06790-5

Автобиографическая историческая повесть. Действие происходит в начале XX века в небольшой смоленской деревне. В центре повествования судьба Прасковьи Андреевны Клименковой, в девичестве Новиковой. Действие разворачивается на фоне реальных исторических событий, захватывая и Великую Отечественную войну и послевоенное время.

ISBN 978-5-532-06790-5

© Куксина С. Н., 2018  
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Шёл 1923 год.

Где-то события ещё бурлили и клокотали, а в небольшой смоленской деревне Лаговщина жизнь в эту пору текла относительно спокойно и размеренно.

Откричали бабы, получившие похорожки в войну с германцем, оплакали погибших в гражданской войне, вытерли скупые слёзы и в очередной раз впряглись в работу. Живым есть-пить надо. Камень на сердце, а ты крепись, не показывай, расти детей, пока очередная война не отберёт любимых и не добавит седых волос.

Урожай каждый год собирали и стар и млад. Тщательно, до последнего колоска, выбирали хлеб на полях. Хорошо, у кого в семье мужики да парни, и ох как горько и трудно там, где остались старики да дети малые. Хлебали горяшка по самое лихо.

Вот и нынче хлеба были уже на подходе, а пока сенокос все силы вытягивал, никакого роздыху не давал.

– Прасковья, развиднеется скоро, – тихо позвал отец, подойдя к полатам и легонько касаясь руки старшей дочери, – я в поле поеду, а ты уж тут справляйся сама. Матери вставать особо не давай, пусть отлежится, совсем расхворалась, а Маруську с Полькой к делу приставь. Большие уже. У Маруськи одни гулянки на уме. Не потакай.

– Иди, тятя. Я справлюсь. Не впервой, – ответила дочь тоже шёпотом, мгновенно просыпаясь, и привычным жестом подтянула к себе одежду.

В шестом часу утра в конце августа темно хоть глаз выколи, но в своей-то хате знакомо всё до мелочей, так что темнота Прасковье не мешала.

Отец запрягал лошадь на заднем дворе, а Проська зажгла лучину и зашлёпала босыми ногами на кухню. Истопить печь, еду приготовить, подоить коров (их было пять, все удоиные, и руки к концу дойки просто отнимались; хорошо, что отец три уже сговорился продать, на что им столько), напоить да в поле вывести; лошадей остальных стреножить и тоже вместе с овцами на выпас отправить, кур да гусей из сарая выпустить, как рассветет, пусть сами корм добывают; сестёр добудиться да накормить, мать обиходить – привычно перебирала она в уме заботы, а руки уже сноровисто дело делали, и вскоре чело большой русской печи осветилось радостным огнём.

Прасковье на днях исполнилось девятнадцать лет. Старший брат сгинул в войне с германцами, мать так и не оправилась после его гибели и слабела с каждым днём, сестра Маруська была всего на три года младше, но леновата, за работой не гналась, так и норовила из дому шмыгнуть куда, а младшей, Польке, всего-то тринадцать. Да и слабенькая она. В мать уродилась. Жалко девку. Вот и тянула старшая вместе с отцом всё семейство, с темна до темна не разгибала спины, работала.

«И зачем отец нынче поросёнка взял? – подумала Прасковья, с трудом поднимая огромный чугунок с мелкой картошкой, репой и очистками и задвигая его в печь. – Добыл же где-то. Вари ему, окаянному».

Она сердито посмотрела на спящую сладким сном сестру Маруську и решительно подошла к ней.

– Вставай, пошли коров доить. Здоровая уже кобыла. Неча отлынивать, – шёпотом, чтоб не разбудить мать и младшую сестру сказала она и дёрнула Маруську за ногу. Та отбрыкнулась, промычала что-то невразумительное и повернулась на другой бок.

– Вставай, а то водой оболую, – прошипела Прасковья. – Гулять умеешь, так и работать учись.

– Отстань, спать хочу, – не открывая глаз, бурчала Маруська, вжимаясь в полати.

Подавала голос проснувшаяся мать:

– Пашенька, я сейчас, ты только встать мне помоги.

– Папка лежать тебе велел, вот и лежи. Оздоровеешь – наработаешься. А счас и не думай, – зачастила Прасковья, повернув лицо в сторону матери, а сама резким движением сдёрнула сестру с полатей.

Та молча вскарабкалась с пола, зыркнула злобно, прошипела:

– Злыдня ты, Пашка, – но громко спорить не стала. Мать и вправду совсем слаба, а отец и прутком опоясать может, ежели что. Уж лучше встать. Пашка привяжется, так что смола, всё одно не отдерёшь.

Вдвоём с делами управились куда быстрее. Шестнадцатилетняя Маруська была крупной, ядреной девкой, но за мелкой и тощей на вид Пашкой угнаться в работе не могла. Старшая словно из железных канатов свита. Ловка в работе. Позавтракали молоком с картошкой да с ломтем вчера испеченного хлеба. Варёво на обед.

Не успели стол убрать, уж Нюрка на пороге. Живёт она рядом, но в такую рань обычно не является. Дел полно. У них тоже скота хватает, а работников – одна Нюрка, младшие ещё не помощники родителям. Близнецам – братьям всего-то по четыре года.

– Ай, случилось чего? – слегка заволновалась Прасковья, увидев подружку на пороге в неурочный час.

Глаза Нюрки лукаво блеснули:

– А пойдём, Прось, во двор, там и скажу.

– Подумаешь, – пренебрежительно фыркнула Маруська из-за плеча. – Я и так уже всё знаю.

– Чегой-то ты уже знаешь? – резко повернулась к ней старшая сестра и сердито насупилась. В руках у неё был веник, и Маруська, покосившись на него, на всякий случай слегка отодвинулась. А то и отскочить не успеешь... Проворна Пашка бывает, когда не надо.

– Чего молчишь? – переспросила старшая, не сводя сердитых глаз с Маруськи. – Опять полночи блокунялась, гулёна?! Гляди, добегаешься...

Маруська молча шмыгнула мимо сестры на улицу, слегка толкнув Нюрку, так и стоявшую у порога. От нетерпения та даже приплясывала на месте, но в хату не шла. Некогда. Тоже дел дома по горло. Родители хватятся – крику будет! Мать у неё горласта: нечего и спрашивать в кого Нюрка голосом пошла.

Не успела Нюрка и рта раскрыть, как дверь снова скрипнула, пропуская в образовавшуюся щель бедовую Маруськину голову вместе со словами:

– Знаю я про вашу тайну. У Клименчи гости-то. Батька с сыном. Парень видный. Девки прямо с ума посходили, так и шныряют мимо дома. А уж разделись-то... быдто на Пасху. Али на Троицу...

Маруська хихикнула и скрылась, а Пашка повернулась к подружке:

– Про чтой-то она?

– Ну, пройдоха девка! – всплеснула руками Нюрка, обращаясь к входной двери, за которой скрылась пройдоха Нюрка. – Ну, оторва! Уже унюхала! Уже распознала! И когда только успела?!

– А ты и не знаешь ничего, – упрекнула она подружку, поворачиваясь к ней лицом и загораясь глазами. – Сидишь тут со своими коровами, как затворница. Не чуешь, что за дела в деревне.

– Так мамка -то болеет, – развела руками Прасковья. – Отцу одному не управиться.

– Ой, и мне домой надо, – озаботилась Нюрка. – А новость-то, знаешь, какая?

Она не стала ждать ответа, и так понятно, что ничегошеньки подружка не слышала, а сразу затрещала, как из пулемёта застрочила:

– Клименковых с Раковичей знаешь? Не дедки Кости семья, а дедки Ивана? Так вот. К ним на днях родня пришла-приехала. Двоюродные никак. Батька с сыном. Сына Витькой зовут. В шинели ещё. Кто говорит – с войны пришёл, кто бает – дезертир он, прячется. Баб

с ними никого нету. Всего-то их двое. Вся семья. Ничего про себя не говорят, только жить-то тут собираются.

– И что? – устало спросила Пашка, дومتая у печки и не проявляя никакого интереса к новеньким, да ещё и из соседней деревни. Дел впереди – не переделать. И что ей до прищельцев?! Своё бы расхлебать.

– Как что?! – воскликнула Нюрка, сверкая глазами и напрочь забывая о том, что торопилась домой. – Видела б ты его! До чего красив парень! Слов нет! Я прямо обомлела вся! А высоченный! Ты и до плеча ему не будешь.

– Да мне -то что до его красоты? – с полным безразличием в голосе пожала плечами Прасковья. – И до его роста? Мне к нему не прислоняться.

– Ну да, – безжалостно согласилась с ней Нюрка, окидывая подружку внимательным взглядом. – Тоща ты слишком. И росточком мала. А он – во! – высоченный какой. Брови чёрные, а глаза! Ну, погибель прямо!

– У нас и своих парней высоких в деревне много, – спокойно заметила Прасковья, нисколько не обижаясь на болтовню подружки. И сама знает, что маленькая да тощая. Да носата лишнего. Как говорится, нос Бог семерым нёс, а достался ей одной. Правда, Нюрка всегда с ней спорит по поводу носа, не любит, когда Пашка про семерых приговаривает. Говорит, нормальный нос, вот поправится немного и вообще хороша станет. Пашка с ней не спорит и не соглашается. Не до красоты ей. Мамка бы встала, а ещё бы работы помене, да видать доля у неё такая: тянуть воз за троих и не жаловаться.

– На своих уж нагляделись. Что свои-то?! Давно известны, – отмахнулась Нюрка и вдруг пригорюнилась:

– Всё одно не знаешь, за кого засватают. Где те парни?! Война проредила. Не захочешь в вековухи, за деда пойдёшь...

– Ты уже всё ль, что ли? Справилась? – перевела разговор в другое русло Прасковья. Тема, конечно, больная, дак ведь от судьбы не уйдёшь... – Языком мелешь, быдто заняться нечем, а у меня ещё дел – до темна не переделать. Неколи мне.

– Так и мне неколи, – засуетилась Нюрка, вспомнив о брошенных дома делах и сердитом отце, и поправила платок на голове. – Только кто ж тебе что скажет, ежели не я?! Маруська вон ни полсловечка...

– А где й то она? – спохватилась Пашка, озираясь, и вдруг вспомнила, что сестрица за дверь успела шмыгнуть, пора она с Нюркой турусы разводила. – Опять лытки задрала и с глаз долой?

Она решительно вышла на крыльцо, Нюрка выкатилась из дому вместе с ней, но не стала принимать участие в поиске Маруськи, которая явно на сеновал смылась и досыпает там, а рванула домой. Не дай Бог отец спохватится. Вот уж по голове не погладит.

– Маруська! – вполголоса позвала Пашка сестру и оглядела двор. Нигде ни следа, ни шороху. Она повысила голос. – Коней пора гнать на выпас! Маруська!

Ответом ей была тишина. Обычно Прасковья не искала сестру. Махнёт рукой и переделает все дела сама. Быстрее получается. И спокойнее. Никакого нытья рядом. А то ведь Маруська и ноет, и от дела отлынивает, только нервы портит да время отнимает.

Но сегодня Проська твёрдо решила не уступать лентяйке: по вечеркам бегать взрослая, так пусть и поработает.

Прасковья поднялась по приставной лестнице на сеновал и увидела в дальнем углу Маруську. Сестра спала без задних ног. Где уж тут докричаться?!

Пришлось лезть на сеновал. Высоко задирая юбку, чтоб не оступиться, и костеря про себя лентяйку на чём свет стоит, Пашка подобралась к сестре и дёрнула нахалку за ногу:

– Вставай, лодырица!

Та отмахнулась, отбрыкнулась и даже глаз не приоткрыла, только сильнее вжалась в сено. Авось, повезёт: надоест Пашке её поднимать, плюнет та да и уйдёт, как обычно, одна справляться.

Но сегодня Прасковья была настроена на редкость решительно: она вцепилась сестре в волосы и грозно прошипела:

– Вставай, не то все космы повыдергаю. Лысая не больно на вечерку побежишь! Разве что людей пугать.

Вцепилась не сильно и дёрнула слегка, скорее для острстки, но Маруська услышала грозные слова, взвыла. Испугалась.

– Проська! Злыдня! Волосья пусти! – заверещала она на весь двор не от боли, а от страха: а ну как в самом деле за волосья драть будет?! Что тогда?! – Встаю я!

– То то же! Давней бы так! – довольная Прасковья выпустила волосы сестры из рук и отвесила той лёгкий подзатыльник. – Не верещи. Матку разбудишь. Заснула только.

Вернулись сёстры в избу вдвоём, а там уже Полька хлопочет. «Хоть и мала девка, – довольно подумала старшая, невольно покосившись на надувшую губы Маруську, – а уже помощница. Эту и гонять особо не надо. Силёнок бы ей только чуток поболе».

Полинка была маленькая и на свои тринадцать лет никак не тянула. Ей-Богу, издали на семилетку смахивала. У них только Маруська покрупнее да попышнее удалась. Кровь с молоком. И на лицо хороша, прям как мамка в молодости.

Пашка вот тоже, как и младшая, мелковата да тоща. «Зато жилиста, – привычно подумала Прасковья о себе. – Не хуже других в работе-то».

Она явно поскромничала, потому что не только в работе была лучшей. Такую мастерицу и шить, и ткать, и вышивать ещё в округе поискать надо. А уж певунья какая! Без неё и на вечерке скучно. Пропустила тут посиделки одни да другие, так сколь человек зашло спросить, когда она будет-то? Так и сказали, что скучно без неё-то. Вот тебе и тоща...

Мысли сами собой перекинулись на пришельца. И то сказать, годов ей уже... Сынов у отца нету, надо зятя в дом брать, а в примачи не всяк пойдёт. Хоть и не бедны. За кого засватают?! Хорошо отец у них не чета другим. Этот и спросит, не погнушается. И неволить особо не будет. А всё ж таки страшно... Кого это Бог в суженые даст?!

«Ну уж не пришлого красавца, – усмехнулась про себя Пашка. – Нечем красавца-то прельстить. Рылом не вышла и телом суха... Да и девки у нас в деревне не промах. Своего не упустят. И с тела видные. Сдебёлые. Не то, что я...», – усмехнулась и выкинула из головы пришлого парня.

Работы дома всегда много, но Проське жаль отца, который один на поле пластается. Некогда сейчас о женихах думать, надо на поле сбегать. Погода стоит лучше не надо. Сено мигом сохнет. Убрать бы вовремя.

Подхватила она грабли да вилы да Маруську, пригрозив подзатыльником, вперёд себя погнала.

– Каково там отцу одному стоговать?! – стыдила она хнычущую сестру. – Ты вон какая кобылица вымахала! Не развалишься, чай, от работы. Ай, тятка для себя одного старается?!

Маруська огрызалась, дула губы, но шла. А куда денешься?! Работников у них нет, хотя, когда совсем запарка, берёт отец одного-двух помощников на несколько дней или неделю-другую, но в основном всё сами. Чтоб она... эта жизнь...

Кони паслись неподалёку. Пашка оседлала кобылу, свою любимицу, покладистую и спокойную Машку, посадила сзади сестру. Восемь гектаров земли отец прикупил почитай в трёх верстах от деревни, не набегаясь по жару, а на кобыле куда быстрее и не запаришься.

Поле вывернулось из-за кустов как-то сразу, открылось всё, стоило только из низинки подняться на небольшую горочку.

Отец, худой и жилистый, ловко управлял конём. Инвентарь всегда держался в идеальном порядке, поэтому и сейчас конские грабли сноровисто собирали сено по лугу, а отец то пускал коня быстрее, то придерживал, где валок был погуще. Работа спорилась, и Прасковья привычно порадовалась сноровке отца.

Любила она тяжёлую крестьянскую работу: и запах хлева, где сыто мычат коровы и призывно ржут лошади; и запах свежеспаханной земли, с нетерпением ждущей, когда пахарь бросит в неё первые зёрна; и особый аромат сенокоса, где смешиваются запахи свежей травы и уже готового сена. Любила рукодельничать по вечерам и слушать сказки, которые рассказывала мать.

Любила Прасковья и ярмарки, куда иной раз ездила с отцом. Готовились к ярмарке основательно: Пашка сбивала масло, готовила творог и сметану, собирала куриные яйца. За несколько дней до поездки переставала она готовить блюда из яиц: после отъезда, чай, ярманка (как говорили в их краях) не каждый день бывает. Кроме съестного брали вдругорядь шерсть и овчины, а осенью и часть зерна продавали.

Глаза у Пашки на ярмарке разбегались: сколько всего! Но покупали строго по надобности – в чём нужда в хозяйстве была. Отец, правда, на платки красивые не скупился, на другие бабские мелочи, а Пашка не сильно отнекивалась – где ж устоишь!

Интересно на ярмарке: народу не протолкнуться и всяк своё тянет. Кто покупает, кто продаёт, а кто и так глазеет. Народ базарный суетлив и шумлив, толпа волной колыхнется, а гул голосов по всем окрестностям разбегается.

Удивлялась всегда Пашка одному чуду: вот и не работать ездили, а устали, будто спозаранку молотили не разгибаясь. И всё равно – хорошо!

Домой примчится – и в хлев бегом: уже соскучилась по скотине, по привычному хлевному тёплому духу, по мычанию, блеянию и кудахтанью. И опять – ох, хорошо! Радостно на свете жить в трудах и заботах!

И никакой другой жизни Проське не надобно. Не хотела она ни в город, ни в заморские края: ей и дома всё было мило и любо. Так бы и глядела всю жизнь на свою избу, своё поле и леса окрест.

Маруся, увидев огромное поле и оценив объём работ, привычно завздохала и запричитала вполголоса:

– Тока вырасту – сразу в город сбегу. Век за деревенского не пойду. Пусть батька хоть убьёт, не пойду! Лучше камень на шею... Оводы жрут, окаянные, слепни кусают, а ты пластайся на жаре, на каторге этой...

– Платки цветастые да смалкоту всякую с ярмарки так батька вези, – так же привычно ответила Пашка, не особо прислушиваясь к давно знакомому нытью сестры, – а как помочь ему, так нету тебя...

– Слезай, приехали, – скомандовала она Маруське, уже стоя на земле, и ловко стреножила кобылу. Скупно улыбнувшись животине, легонько хлопнула её по крупу:

– Гуляй, милая!

Отец остановил коня, подошёл к дочерям:

– Ко времени вы подросли. Я последние валки добирал, стоговать собрался. Раздумывал то ли одному начать, то ли в деревню сбегать. Уж больно одному несподручно.

– Дома-то всё ль в порядке? – повернулся он к старшей, но Маруся опередила сестру с ответом:

– Коровы подоены, всё справлено, с раннего утра в работе.

Отец ничего не сказал, усмехнулся в усы, и глаза его, узкие, неяркие, какого-то блёклого серо-голубого цвета, лукавинкой блеснули из-под тонких бровей: он хорошо знал свою среднюю дочь. Сдержан он был, немногословен, но наблюдателен и смекалист. Вот и Пашка в него удалась. И в работе, как он, удержу не знает. А Маруся...

Маруся быстро запарилась, но в голос не выла. Отец, это тебе не Проська, он скулежу не любит. Чертыхалась про себя, костерила деревню на все лады да пить почаще бегала. Да ещё на сестру неласково поглядывала. Могла бы и не тащить её с собой. Дома, что ли, делать нечего?!

А Проська словно железная. Вот что Маруську всегда удивляет. Пашет, как лошадь, весь день и ещё поёт. У неё, у Марушки, горло пересохло, хотя она уже целый жбан квасу осушила да воды не меньше выхлебала, а эта сено мечет, как заводная, да песню тянет.

– Паш, давай наверх, – командует отец и подставляет вилы, надёжно воткнув их в сено, чтобы удобнее было лезть. – Завершай стог-то.

Стог уже высок: на него так просто не вскарабкаешься. Сноровка нужна. Но Прасковья не впервой – она мгновенно взлетает наверх и начинает плотно укладывать сено.

Отец перебрасывается иной раз с ней словечком – другим; с шутками-прибаутками даже такая тяжёлая работа кажется легче и идёт веселее.

Маруся пыхтит и сопит, но старается не особо отставать от отца, так что Прасковья ужом вертится на стогу.

День клонился к вечеру, но жара не спадала: природа словно пробовала людей на прочность, проверяла выстоят или нет.

Люди выстояли. Иначе нельзя: летний день год кормит.

– Слава тебе, Господи! – пробормотала Маруся, когда всё сено было смётано в стога и отец произнёс заветное:

– Ну, вот и справились! С Божьей помощью!

Пашка спрыгнула с последнего, чисто завершённого стога и вытерла пот со лба.

– Испить есть ли?! – повернулась она к сестре.

Маруся виновато потупилась:

– Маловато взяли...

– Ну да ладно, – тряхнула головой Прасковья. – До дому недалече... а до реки и того ближе...

После поля сначала на речку заехали. Хорошо ополоснуться в жару. Речка небольшая, мелкая, вода за лето нагревается на широком мелководье. Хорошо. И пить совсем расхотелось.

Маруся уж думала, что сегодня из дому ни ногой – так устала. Вот приедут с поля, повечеряют и спать. А тут окунулась, смыла усталость, и мысли вернулись в привычное русло: что там сегодня на посиделках будет? Парни с Ракович обещались Витьку к ним в Лаговщину на посиделки привести. Девки все сбегутся. Любопытно ведь... Разве что Пашка их дома останется, а так все будут. Это уж точно.

Маруся хихикнула, покрутилась перед зеркалом и осталась довольна. Хороша. Вся в мать. Та, говорят, в молодости красавицей была. И Маруся своей внешностью довольна. Это Пашке не повезло: отцовской копией уродилась. Ну, да Бог с ней, с Пашкой. Настроение только портить, вспоминая, как с самого рассвета в работе уродовалась по милости сестрицы.

Сегодня девки, которые уже заневестились, все глазыньки проглядят, да только чего глядеть-то?! Богатые не отдадут своих за неизвестно кого, бедные бы и рады, да у жениха ни кола ни двора, вести невесту некуда, а сам не пойдёт он к бедным. Ему в примачи идти в бедноту не резон. Выбор есть. Деревня велика. Найдёт зажиточных. Вот, хоть бы и их двор. Чем не хорош?! Жаль, она ещё молода, а с Пашки какая невеста, хоть и в годах? Знай, в работе плачется, дура!

– Куда это ты?! – даже сквозь свои размышления услышала Маруся грозный окрик старшей сестры. Усмотрела-таки! – Опять на вечерку?

– Нароботалась, – выкрикнула в ответ Маруся, кипя праведным негодованием, – так хоть вечером отдохну! – и пулей за дверь, пока сестра не спохватилась да не выловила, а теперь не поймает.

Прасковья только головой покачала. И в кого их средняя такой шальной уродилась?

Неслышно подошла Полянка:

– Сходила б ты, Паш, на посиделки, а я за матерью-то догляжу. Она расстраивается, глядя, что ты всё дома да дома. Маруся раньше заневестилась. Иди, Паш. Справлюсь я. Чай, не маленькая.

– Правильно Полюшка говорит, – раздался вдруг из-за занавески голос матери. – Сходи, Пашенька, развейся. Что ж ты всё дома да дома?!

– Не хочу я, мам, – попыталась отнекаться Прасковья, хотя и сама уже соскучилась по посиделкам: и попела бы уже, и поплясала, и на других поглядела и себя показала.

Сказала «нет» и вздохнула протяжно. То ли услышала мать её вздох, то ли сердцем почувствовала, но позвала её к себе.

– Подойди, доча, ко мне, – попросила она негромко.

Пашка послушно подошла к постели матери.

– Сходи, доченька, пригляди за Маруськой, – тихо сказала та с неподдельной тревогой в голосе. И вздохнула. Совсем как Пашка только что. – Как бы в подоле не принесла. Неслухом растёт.

– Хорошо, – снова вздохнула старшая дочь. И облегчение, и надежда, и сожаление и жалость к матери – всё вместилось в этом коротком вздохе. Пашке и самой не терпелось сходить на посиделки, давно не была, но не хотелось мать одну бросать. Отец до сих пор в хлеву, всё ещё со скотиной управляется, а Польша мала. Ну да ладно.

– Я быстро, – повернулась она к Польке. – Гляди тут...

– Догляжу, – кивнула младшая и повторила. – Чай, не маленькая уже.

– Не торопись, – ласково улыбнулась им обеим мать, обращаясь к старшей дочери. – Рукоделье возьми. Видела я: рушник начала. Дома всё некогда, а там и повышиваешь, и с подружками пошепчетесь. Всё от дел домашних отдохнёшь. Нюрка, поди, стосковалась по тебе: и пошептаться не с кем.

Стукнула дверь, и на пороге появилась Нюрка. Свежая, румяная, вкусно пахнущая улицей, неунывающая закадычная подружка.

– Легка на помине, – снова улыбнулась мать, и Пашка тоже улыбнулась широко и радостно. Давно она не видела улыбку на лице матери, а тут аж два раза подряд. Глядишь, и пойдёт дело на поправку.

– Здравствуйте, тётъ Саня, – поздоровалась Нюрка и нетерпеливо подогнала Пашку:

– Прось, ну пойдём, что ли, скорей, а то и места не найдём, притулимся где на задворках. Какая радость?!

Она нисколько не сомневалась, что вытащит сегодня подружку на посиделки. Так и получилось: Проська слова не сказала, быстро собралась, и девчонки помчались в дальний конец деревни, где сегодня собиралась молодёжь.

Мест было много. Лавки пустовали, потому что чуть не все торчали на улице в ожидании прибытия раковичских.

Где-то вдали даже сквозь гомон уже хорошо была слышна гармонь. Самые нетерпеливые начали приплясывать прямо на улице, но Пашка вошла в избу. Нюрка за ней. Хозяйка ушла гостевать к сестре, а хату свою за небольшую плату отдала на вечер молодёжи.

В избе было тихо. Подружки сели у окна, достали рушники и стали дошивать узор. У самой двери сидели две девицы на выданье с другого конца села. Они основательно запаслись семечками и сейчас не скучали.

Одна из них, Нюрка, была немного рябой, высокой и костистой. Отец её держал лавку, дочку наряжал и баловал, она не особо дружила с деревенскими, держала дистанцию, но и слишком не заносилась, так что отношения у неё со всеми были равнодушно-спокойными. Другая – Катька, дочь мельника, кругленькая, пухленькая, похожая на колобка. Жили их родители по соседству, вот и ходили девки чаще вместе.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.